МУХИНА И ГОРЬКИЙ

СТУДЕНТКИ парижских и московских художественных школ и академий Любовь Попова, Вера Мухина и Иза Бурмейстер путешествовали по Италии. Приехали в Неаполь, откуда решили через пролив перебраться на Капри, где жил еще один русский — Максим Горький. Через четверть века Вера Игнатьевна вспоминала: «На пароходе ездили на Капри. Небольшой гористый остров, внизу деревушка... На левой стороне острова развалины дворца императора Тиберия, куда он удалился после своего царствования. Место роскошное, отсюда виден Неаполь, Сорренто, Солерно. Вокруг острова вода совершенно сапфировая. Видно дно на огромной глубине. Ездили в Лазоревый грот. В гроте все голубое. Сунешь руку в воду — она становится серебряной. Это происходит оттого, что вход в грот едва возвышается над водой. Чтобы въехать в грот, надо лечь в лодку. Свет в грот проникает через голубую воду. Это одно из красивейших мест земного шара.

В гроте масса мальчишек, которые выпрашивают «уно сольди». Бросаешь монету. Она падает на дно, за ней бросается мальчишка, похожий на большую серебряную рыбу. Когда болела, я вновь пережила свою поездку на Капри, когда прочла книгу Олдингтона «Все люди — враги». Остров Эйл, который он описывает, деревья, цветы, воздух — это совершенно, как на Капри». Но зайти к Горькому, который уже тогда был известным писателем, молодые девушки постеснялись и с наступлением вечера вернулись в Неаполь с последним рейсом маленького пароходика. Всего один день, но он отложился в памяти навсегда. И, встречаясь позже с Горьким, Вера Игнатьевна обычно вспоминала этот чарующий остров, какую-то нездешнюю светящуюся, словно изнутри, голубую воду грота.

А встретились уже после революции, когда Горький жил в России, участвовал в различных начинаниях по помощи ученым и художникам, организации ЦЕКУБУ (Центральная комиссия устройства быта ученых), спасал многих от арестов, разграбления студии. Затем Горький снова уезжал и возвращался, но всегда старался быть в курсе новейших научных и художественных достижений своей Родины. И вот в 1928 году Алексей Максимович услышал о докторе Замкове, муже Веры Мухиной. Услышал, вероятно, от одного из лучших терапевтов страны, доктора Д. Плетнева, наблюдавшего за здоровьем Горького.

Алексей Андреевич Замков, ныне мало кому известный, был выдающимся врачом, одновременно хирургом, терапевтом и урологом. Выходец из подмосковной крестьянской многодетной семьи, вынянчивший четырех из своих пятнадцати братьев и сестер, работавший грузчиком, рассыльным, счетоводом, он нашел в себе силы бросить все эти занятия, сдать экстерном гимназический курс и окончить к 1914 году университет с дипломом врача. После чего ушел добровольцем в брусиловскую армию. Мухина познакомилась с ним по возвращении из Италии, перед тем как он уехал в армию. Вернулся в 1916 году в тифозной горячке, а вскоре после революции, летом 1918 года, они поженились.

Замков был врожденным экспериментатором, искателем. Он работал с лучшими русскими врачами и учеными, профессорами Алексинским, Гатманом, известным генетиком профессором Кольцовым, руководителем института экспериментальной биологии. В лаборатории этого института Замков и сделал свое знаменитое открытие, которым заинтересовался Горький. Это был препарат «гравидан». Фактически с помощью гравидана идет даже не собственно лечение болезни, а стимулирование организма на выработку аналогичных соединений, которые уже противостоят заболеванию. Поэтому гравидан помогал при самых различных клинических случаях — при язве, туберкулезе, ревматизме и даже шизофрении. Все это и дало возможность Д. Плетневу, бывшему одним из руководителей существовавшего тогда Терапевтического общества, поставить на заседании этого общества доклад доктора Замкова и после доклада заявить, что Алексей Андреевич «открыл новую страницу в медицине».

Горький, узнав о работе Замкова, заинтересовался ею и, как вспоминала позже Вера Игнатьевна, приглашал Алексея Андреевича к себе домой. Однако тогда, в 1928 году, это было лишь мимолетное знакомство, и Алексей Андреевич, еще только пытавшийся кустарным способом наладить хотя бы минимальное производство грабидана, вряд ли начал пользовать этим средством Горького, тем более что вскоре вокруг открытия Замкова началась настоящая буря. Коллеги доктора по институту отнеслись к его успеху совершенно иначе, чем Горький или Плетнев. Его стали обвинять в знахарстве, шарлатанстве, использовании непроверенных лечебных средств для личного обогащения и т. д. Апофеозом была разгромная статья в «Известиях», вышедшая как раз в день рождения Замкова — 22 марта 1930 года. Об этом Мухина позже скажет: «Поднялась травля, в которой только Кольцов не принимал участия. Алексей Андреевич не выдержал... Он превратился в комок нервов».

И именно тогда один из «друзей» Замкова уговорил его уехать за границу. Но когда все было готово, тот же «друг» сообщил куда следует. Вера Игнатьевна рассказывала: «В Харькове нас арестовали и повезли обратно в Москву. Привели в ГПУ. Допросили первой меня. Меня спросили: «Были ли опубликованы труды?» Я поняла, что Алексея Андреевича подозревают в том, что он хотел продать за границу секрет своего изобретения. Я подтвердила, что все было напечатано, все было открыто, и ни от кого не скрывалось». Через несколько дней ее и сына отпустили. И у Мухиной «начались страдания жены, у которой арестован муж». Это продолжалось несколько месяцев. Наконец в их квартиру на Плотниковом переулке «пришел следователь и сообщил, что мы высылаемся на 3 года с конфискацией имущества. Я заплакала».

ТАК в конце лета 1930 года начался воронежский период жизни Замкова и Мухиной. Он был несладким. Замкова продолжали травить даже в железнодорожной поликлинике, где он вынужден был работать. А Мухина создала необычный конкурсный проект памятника Шевченко, где предложила интересное комплексное решение, объединяющее собственно памятник с водоемом и аллегорическими фигурами, символизировавшими новую и старую Украину. «Послала эскиз в Харьков. Жюри обошло его молчанием — Мухина сослана».

Между тем брат и крестник Алексея Андреевича архитектор Сергей Замков продолжал в Москве некоторые неоконченные дела Мухиной, хлопотал о возвращении ей кое-каких вещей и скульптурных инструментов. Он связался для этого с давним другом Мухиной, известной советской модельершей Н. Ламановой, а та — с Е. Пешковой, руководившей тогда общественной организацией, оказывавшей помощь арестованным деятелям науки и культуры и их семьям. Она продолжала в этом отношении делать то, чем занимался Алексей Максимович в первые революционные годы. По-видимому, от нее Горький хотя и с опозданием, но узнал о судьбе доктора Замкова.

Руководителем ГПУ тогда еще был один из последних ленинских наркомов — Менжинский. Горький направился к нему, рассказал об изобретении доктора Замкова, о травле автора гравидана, показал статью в «Известиях»... Менжинский сказал:

— От такой травли не то что бегут — стреляются.

И отдал распоряжение о пересмотре дела. В конце апреля 1932 года Замкова вызвали в Воронежское ГПУ и объявили, что семья может возвратиться в Москву. Алексей Андреевич при отъезде узнал у начальника этого ведомства: «...была масса доносов. Огромная пачка, которую он выбросил. Писали врачи».

Вернулись в Москву 15 мая 1932 года. В тот же день Замков отправился к Горькому, и Алексей Максимович сказал ему, что 17 мая вопрос о гравидане будет решаться на Политбюро:

— Будьте у меня, поедем вместе.

17-го Замков приехал к Горькому вместе с Н. Кольцовым. Горький решил, что поедет на заседание Политбюро один:

— Я сам поеду. Если нужно, вас вызовут.

Алексей Андреевич позже вспоминал: «Сидим, пьем чай. Потом приехал Горький:

— Все решено. Как ты хотел, так и сделали. Ассигновано 250 тысяч рублей, обещали дать лабораторию, квартиру.

В 1933 году открылся Институт (урогравиданотерапии). Мы переехали в эту квартиру (у Красных ворот).

В 1934 году умер Максим Пешков — сын и личный секретарь Горького, от которого у отца не было секретов. Упорно говорили о том, что Максима специально «устранили». К Мухиной приехала Екатерина Павловна Пешкова и сказала, что они вместе с Алексеем Максимовичем просят Веру Игнатьевну сделать памятник на могилу Максима. Мухина спросила:

— Какой вы хотите памятник?

— Сделайте просто камень и на нем барельеф...

Вере Игнатьевне этот замысел показался тривиальным:

— Почему так бедно?

— Душа его была хаос...

Мухина минутку подумала и сказала:

— Возьмем камень, но пусть из него рождается человек.

Она сделала небольшой эскиз и через некоторое время вместе с Екатериной Павловной поехала в Горки к Алексею Максимовичу. Он посмотрел и сказал:

— Да, хорошо. Мне нравится.

— Может быть, изменить что-нибудь?

— Нет, нет!

Вспоминая позже об этом разговоре, Мухина сказала: «Мне кажется, это было чувство художника, что другому художнику мешать не надо». Если бы таким чувством обладали все художники и писатели, которым волею судеб приходится руководить другими художниками!

Во время встреч с Алексеем Максимовичем много говорили об искусстве. Горький рассказывал, как его за границей лепил Коненков. Его бюст он считал лучшим из своих портретов. Показывал Вере Игнатьевне свою оранжерею, где было много таких цветов, которые она никогда не видела. За цветами ухаживал один художник, И. Ракицкий, живущий у Горького. Алексей Максимович познакомил ее с Тимошей (так он звал жену Максима), со своими внучками — Дарьей и Марфой. Не потому ли, кстати, и свою внучку Вера Игнатьевна посоветовала сыну назвать Марфой? Говорили о Максиме. Раньше, за границей, он был веселым, бесшабашным. Прекрасно сложен, спортивная фигура. Он был другом отца, хорошо писал сам, но рядом с Горьким не мог вырасти как писатель. Был человеком очень глубоким, но последние два года — мрачным, задумчивым. И на фотографиях он всегда был таким же. Таким и решила его сделать Мухина — «дать его задумчивым, как я его чувствовала, дать большое содержание. Когда Екатерина Павловна и Тимоша увидели эту скульптуру, они заплакали: их поразило страшное сходство. Екатерина Павловна попросила:

— Разрешите иногда к вам заезжать.

Оставалось перевести в мрамор. Где делать? Пришлось в автосарае у Горького.

За время работы над памятником Максиму обе семьи сблизились еще более. Горький стал принимать уколы гравидана. У него в доме Алексей Андреевич познакомился с Галиной Серебряковой, которая стала вскоре одним из близких друзей Веры Игнатьевны. По-видимому, по рекомендации Горького доктор Замков лечил также Куйбышева, Клару Цеткин, Мариэтту Шагинян. Но, вспоминая позже о встрече с Горьким и другими людьми его круга, Вера Игнатьевна сказала: «В Горьком чувствовался очень большой человек, очень знающий. Одна черта не понравилась — безапелляционность суждений. Черта эта вполне понятная и все же неприятная».

Вскоре в том круге лиц, в который вошли Мухина и Замков, начали происходить трагические изменения. Арестовали Сокольникова, мужа Серебряковой. Замкова по непонятным причинам почти перестали допускать к Горькому, а его новый секретарь, сменивший Максима, под разными предлогами не соединял с Алексеем Максимовичем по телефону. Горького все более изолировали, а окончилось это тем, что он был, по-видимому, отравлен конфетами, присланными из Кремля,— способ, опробованный Сталиным уже не раз, начиная с Бехтерева. Когда был «убран» Горький, начались первые процессы над Пятаковым, Сокольниковым, Радеком. Галина Серебрякова в своих воспоминаниях пишет: «Летом 1936 года в моей семье случилось большое горе. Первыми, кто пришел к нам, обласкал моих детей и мою мать, были Вера Игнатьевна и Алексей Андреевич». Галина Серебрякова писала свои воспоминания вернувшись из ссылки, в годы хрущевской оттепели.

СМЕРТЬ Горького принесла большое горе семье Мухиной—Замкова, причем не только в моральном плане. По Москве все же поползли слухи, что Горький умер не своей смертью. Для их пресечения, с одной стороны, организовали очередной политический процесс, а с другой — решили очень помпезно увековечить память писателя. Был осужден «как отравитель» и приговорен к расстрелу известнейший врач, первый терапевт страны Д. Плетнев, а также было закрыто несколько медицинских учреждений, в том числе и Институт гравидантерапии А. Замкова. Возможно, что имя Замкова как-то всплыло во время процесса над Плетневым, а может быть, вспомнили, что институт был открыт по ходатайству Горького. Куйбышева, который мог бы как-либо помочь Замкову, также уже не было в живых, и, кстати сказать, вину в его кончине приписали тем же «отравителям» во главе с Плетневым.

А Мухиной было предложено участвовать в конкурсе на памятник Горькому. Известно, что Вера Игнатьевна вылепила его портретную фигуру с книгой в руке и создала статую молодого Горького для демонстрации на Всемирной нью-йоркской выставке. Именно ее, лишь слегка изменив композицию, она и предполагала использовать в московском памятнике.

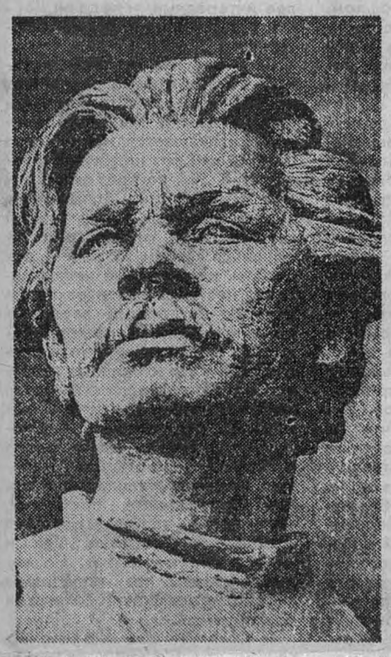
Здесь уже начинается второй этап отношений Мухиной с Горьким — не с ним самим, а с его статуями.

ПО ПЕРВОНАЧАЛЬНЫМ наметкам, памятник Горькому в Москве должен был быть установлен на только что тогда организованной Манежной площади, где были разобраны здания, находившиеся перед гостиницей «Метрополь» и университетом. И этот памятник должен был как бы открывать улицу Горького. Соавтором по архитектурной части проекта Мухина пригласила брата своего мужа молодого архитектора Сергея Замкова, того самого, мраморный портрет которого она сделала в 1934 году и выставила под названием «Строитель».

Так же как и памятник Шевченко, над которым Мухина работала в Воронеже, памятник Горькому должен был представлять собой целый ансамбль, на сей раз еще более пространственно развитый.

В этом конкурсе участвовали ряд известных скульпторов — И. Шадр, А. Матвеев, Я. Николадзе и другие. Шадр свой проект предназначал для Нижнего Новгорода. Так вот, Шадру был более близок образ «борца». А проект Мухиной более ассоциировался с Горьким-буревестником: в сапогах, коротком пальто-свитке, заложив сжатые руки за спину, расправив плечи, он словно противостоит стихии, словно призывает: «Пусть сильнее грянет буря!». Его гордо поднятая голова чуть-чуть повернута вправо, в сторону Кремля. Проект имел ансамблевый характер и был превосходно архитектурно увязан с новой площадью столицы, с Александровским садом, Манежем, старым зданием университета и открывающимся видом с одной стороны на Исторический музей, Кремль, а с другой — на начало центральной столичной магистрали, улицы Горького. По-видимому, предполагалось еще в середине треугольника, образованного скульптурными изображениями Буревестника, Данко и Горького, устроить искусственный водоем, это делало еще более выразительным и художественно оправданным введение в общую композицию Буревестника — птицы, связанной с морскими просторами, а кроме того, напоминало и о роли водной стихии, в частности великой реки Волги, в жизни и творчестве Горького.

В этом конкурсе проекты Мухиной и Шадра справедливо были отмечены как лучшие и разделили первые призовые места. Таким образом конкурсная работа Мухиной, как в свое время ее проект статуи «Рабочий и колхозница», оттеснил предложения многих ее коллег, скульпторов-мужчин. А выдвижение некоторых из них и получение имя безо всяких конкурсов весьма дорогостоящих правительственных заказов (например, на скульптурное оформление новых станций метро, шлюзов канала «Москва — Волга», павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки — будущей ВДНХ и т. д.) часто зижделось на личных связях с руководителями страны, над бюстами и статуями которых они охотно работали. Мухина же в довоенные годы ни разу не вылепила портрета великого вождя и учителя.



По-видимому, именно этими, не имеющими к искусству отношения обстоятельствами объяснялось совершенно непонятное и неожиданное решение жюри конкурса: признав работы Мухиной и Шадра лучшими и достойными воплощения, оно постановило предназначенный для Москвы памятник Горькому Мухиной установить в Горьком, а памятник Шадра — в Москве. Для Мухиной и архитектора Замкова это означало поиск нового места в другом городе и кардинальную переработку архитектурной части проекта.

Но Иван Дмитриевич Шадр, перерабатывающий свой проект памятника для архитектурных условий Москвы, тяжело заболел. Перед самой войной он скончался. Мухина посещала его в больнице, очень тяжело переживала его смерть — они были большими друзьями, причем на их искреннюю человеческую дружбу не повлияло то, что в конкурсе на «Рабочего и колхозницу» Мухина, так сказать, «обошла» Шадра. Траурный похоронный митинг состоялся в Музее изобразительных искусств, которому незадолго до этого почему-то было присвоено имя А. С. Пушкина. Почти невидимый из-за обилия цветов гроб с телом Шадра стоял в Античном дворике музея. И здесь, выступая с последним словом прощания, Вера Игнатьевна поклялась окончить и воплотить в бронзе в Москве спроектированный Шадром памятник Горькому. Так что теперь она работала уже над двумя проектами.

НАЧАЛАСЬ война. Конечно, в это время было не до памятника. Сергей Замков сразу же попал на фронт, причем на передовую, поскольку тогда еще никто не подумал, что его архитектурный талант можно было использовать даже на войне более целесообразно для каких-нибудь фортификационных, маскировочных и иных работ. И осенью 1941 года он погиб.

Той же осенью 1941 года Вера Игнатьевна с семьей ненадолго эвакуировалась на Урал, но уже в 1942 году, когда гитлеровцев отогнали от Москвы, вернулась в столицу и начала работать над портретами героев-военачальников Б. Юсупова, И. Хижняка и других.

И только после войны она смогла вернуться к памятнику Горькому. Работала она поначалу фактически над обоими проектами — шадровским и своим. Но реализация того и другого замысла встретила значительные и непредвиденные препятствия. Поскольку шадровский вариант был закончен и установлен первым, расскажем вначале о нем.

Для установки памятника Горькому была выбрана на сей раз не Манежная площадь, а скверик у Белорусского вокзала. Если раньше статуя Горького должна была как бы открывать центральную улицу столицы, то теперь ей предстояло замыкать магистраль, да и то не очень удачно, потому что с улицы Горького она фактически не видна — сквер находится не по оси улицы, а слева от нее. Новое местоположение потребовало коренной переработки пьедестала. Этим занялся архитектор З. Розенфельд.

А Мухина со своими верными помощницами Н. Г. Зеленской и З. Г. Ивановой создавали большую статую. Их главной заботой было точно сохранить образ, найденный Шадром. За работой одобрительно наблюдал тогдашний Комитет по делам искусств, вскоре преобразованный в Министерство культуры.

Статую отлили в бронзе и установили в Парке культуры и отдыха на деревянном постаменте. Через несколько дней приехала правительственная комиссия, возглавляемая Ворошиловым и Кагановичем. Обошли памятник кругом, осмотрели и... не приняли. Толком они ничего не объяснили, но постепенно их претензии, сформулированные уже чиновниками от искусства, были доведены до Мухиной и ее помощников.

Претензии эти были не художественного, а скорее психологического свойства. По-видимому, ни Ворошилов, ни Каганович не знали сравнительно молодого Горького, такого, каким он был запечатлен в проекте Шадра. Они помнили его уже достаточно пожилым, в 1930-х годах, когда он бывал на заседаниях Политбюро, на различных официальных приемах и на правительственных дачах. Кроме того, в конце 30-х годов, когда Шадр и Мухина работали над своими проектами, Горький еще воспринимался как современник, как человек, активно работающий в литературе, организатор многих культурных начинаний, театрал, посетитель художественных выставок, короче, как живой человек. Для послевоенного времени, конца 1940-х — начала 1950-х годов, это был уже классик, писатель вполне хрестоматийный, которого «проходят» в школе и изучают в институтах. Это был уже не «борец», а именно «мудрец» с соответствующим официальным глянцем. Его протестующий, осуждающий и полный скрытой энергии облик мог быть воспринят в нежелательном для того времени толковании, а сам его несколько моложавый вид, наверное, был не совсем приятен уже достаточно постаревшим руководителям страны и приспешникам тоже уже дряхлеющего Сталина. А тот факт, что на создание этой статуи затрачен огромный труд талантливых скульпторов, а также на многие тысячи рублей дефицитной бронзы, их не волновал.

ИТАК, статуя не была принята, и ее предложено было переделать. По счастью, сохранился гипсовый экземпляр. Трем скульпторам предстояло совершенно изменить памятник, оставив лишь его общую композицию: Горький с непокрытой головой, опирающийся на трость и со шляпой в руке. Необходимо было лепить голову Горького заново. Следовало сделать писателя более пожилым, несколько более грузным — в каких-то местах срубить гипс, в каких-то — нарастить многокилограммовые пласты глины. Причем для того, чтобы все время корректировать общее впечатление, Мухина и ее помощницы решили, что лепить они будут на статуе, установленной на высоте постамента, а не на земле. Поэтому около гипсовой фигуры сделали леса, и три женщины все время спускались и поднимались по этим лесам, неся с собой глину и то и дело слезая вниз, чтобы посмотреть, как же воспринимаются их переделки снизу. А стояла уже глубокая осень. Нередко шли дожди. Дул промозглый ветер, пальцы мерзли от мокрой и холодной глины. Лишь в середине ноября статую перенесли в тепляк. Именно во время этого «исправления» шадровского проекта Мухина непоправимо испортила себе сердце постоянным «скаканием» по лесам на холоде.

В 1951 году памятник был наконец установлен. Вряд ли это принесло большое удовлетворение Мухиной — она не могла сказать, что ее клятва у гроба Шадра была полностью выполнена. От проекта Ивана Дмитриевича осталась лишь общая композиция, а памятник получился достаточно традиционным, чтобы не сказать ординарным. Никакого влияния на последующее развитие монументальной скульптуры он не оказал. Вполне официальное произведение в том духе, какие тогда ставили с непонятной надписью «От Советского правительства». Даже москвичи почти не помнят его и редко посещают в отличие, например, от памятников Пушкину Опекушина или Есенину Цигаля. А Мухиной он стоил здоровья и фактически сократил ее жизнь. Даже на открытии она не могла присутствовать, ей принесли только большой телевизор с маленьким экраном, так называемый «КВН», и она по нему, лежа в кровати, смотрела торжественную церемонию.

Значительные пертурбации произошли и с ее собственным проектом памятника Горькому для города Горького. Когда в послевоенные годы встал вопрос о возобновлении работы над этим памятником, Мухина приехала в Горький с уже конкретной целью — уточнить место и размер статуи. По-видимому, к этому времени уже стало ясно, что соорудить памятник-ансамбль не удастся. Это было слишком дорого и, кроме того, требовало дополнительной разработки фигур Матери, старухи Изергиль и других горьковских героев, а также доработки архитектурного проекта, поскольку С. Замков не успел закончить свою работу по привязке всего ансамбля к определенному месту. Вера Игнатьевна выбрала и согласовала с городскими властями местоположение памятника и установила там несколько фанерных силуэтов будущей фигуры. Девятиметровый силуэт показался ей слишком большим по отношению к окружающей застройке и архитектурному оформлению набережной. Опыты с семиметровым, как она пишет в одном из писем, «попали в точку».

Выяснив это, она уехала и договорилась, что постамент и всю архитектурную часть возьмут на себя зодчие В. Лебедев и П. Штеллер. У нее было лишь одно пожелание — как и в первоначальном проекте для Москвы, она предполагала, что фигура Горького будет стоять как бы на утесе. Здесь, на волжском откосе, рядом с неоглядными далями реки, это было еще более оправданно. Широко расправив грудь, глядя вдаль, молодой Горький-Буревестник стоял над великой русской рекой. Открытый волжскому ветру романтический образ писателя словно символизировал все раннее творчество Горького и тот период его жизни, который был связан с Нижним Новгородом. Казалось, что первоначальный замысел обрел на этом месте новое и еще более впечатляющее звучание. Мухина даже как-то внутренне смирилась с тем, что этот памятник будет установлен не в Москве и не в том архитектурно-скульптурном окружении, о котором она мечтала.

ОДНАКО и тут ее ожидали неприятности. Подспудная и не отраженная в документах история этих новых осложнений была нам рассказана известным советским ваятелем А. Кибальниковым. Вера Игнатьевна очень ценила талант Кибальникова, так удачно раскрывшийся в памятнике Чернышевскому в Саратове. Она не всегда охотно бралась за перо, считая, что это не ее стихия, хотя оставленные ею статьи являются существенным вкладом в историю и теорию советского искусства. Тем не менее по просьбе редакции Большой Советской Энциклопедии она написала для 2-го издания БСЭ монографическую статью о Кибальникове. Будучи близко знаком с Мухиной, Александр Павлович, конечно, знал о различных перипетиях, случившихся с ее работами. Так вот, он рассказывал, что один из известнейших советских скульпторов, специализировавшийся более всего на ваянии портретов вождей, и прежде всего — Сталина, будучи в плохих отношениях с Верой Игнатьевной, распустил слух, что якобы на том самом месте, где она думает установить памятник Горькому, стояло до революции весьма веселое публичное заведение, известное, между прочим, Горькому и Шаляпину. И вот теперь, дескать, Мухина хочет увековечить это место, установив там монумент.

Слух очень скоро дошел до горьковских властей, и, не проверив правдоподобности этих сообщений, сдобренных еще и весьма пикантными подробностями, они внезапно заявили Мухиной, что народ (в таких случаях всегда говорят от имени народа) не хочет, чтобы памятник их знаменитому земляку, великому пролетарскому писателю стоял где-то на отшибе, на откосе, а не в самом городе, носящем его имя. Поэтому выбрали небольшую площадь в городе, застроенную трех-четырехэтажными домами, имеющую в центре небольшой сквер, и предложили именно здесь соорудить памятник. Конечно, ни поза Горького, ни его устремленный вдаль взгляд, ни впечатление свежего ветра, колеблющего складки одежды,— все это никак не подходило к кургузенькой площади, где памятник был затиснут между домами и просто велик для своего ординарного окружения.

Мухиной пришлось согласиться на это, уже третье по счету, изменение ее проекта. Тем более что статуя Горького уже отливалась.

Большие трудности возникли с отливкой статуи и сооружением постамента. Ни в Горьком, ни даже в Москве, не нашлось организации, которая могла бы изготовить по гипсовой модели статую и собрать по чертежам архитектора постамент, облицованный «диким камнем», чтобы придать ему отдаленное образное сходство с утесом. После долгих поисков нашли наконец соответствующие заводы и тресты в Ленинграде и Киеве. Именно оттуда везли в Горький статую, а киевские рабочие приезжали в город на Волге ее устанавливать.

Наконец в холодный осенний день 2 ноября 1952 года состоялось открытие памятника. На импровизированной трибуне стояли представители городских властей г. Горького, Союза писателей СССР, родственники писателя. А в газете даже не упомянули фамилии автора памятника.

Итак, памятник Горькому в городе на Волге был открыт. Как видим, мало что сохранилось от первоначального проекта. Весь оригинальный замысел создания первого в стране памятника-ансамбля был перечеркнут. Вряд ли поэтому открытие принесло Мухиной чувство удовлетворения, которое бывает обычно после хорошо сделанной работы. Скорее, больше было печали по несбывшимся надеждам. Правда, во второй половине жизни таких ударов судьбы она испытала довольно много и уже в какой-то мере смирилась с ними.

ТАК закончились взаимоотношения этих двух величайших художников своего времени. В их отношениях весьма ощутимо отразилась сталинская эпоха, в которую они жили и которая была способна нарушить и исковеркать любые привязанности людей. Пока Мухина и Горький сталкивались друг с другом только как личности, как художники, как интеллигенты, они старались помогать и поддерживать друг друга. Мухина сделала надгробие Максиму, создала статую писателя, Замков лечил Горького. Горький со своей стороны помог организации Института гравидантерапии, всячески популяризировал лекарство доктора Замкова, поддерживал дружеские отношения с семьей Мухиной — Замкова, ввел их в круг близких себе людей. Но как только в эти отношения вмешивались представители Системы, так все нарушалось и шло наперекосяк — институт после смерти Горького закрыли, всячески мешали установлению памятников Горькому работы Мухиной, что приводило к искажению ее замыслов и подорвало ее здоровье.

И с этих позиций отношения между Мухиной и Горьким являются еще одной главой из той трагической книги, которую человечество пишет в течение всей своей многовековой истории и имя которой — «Власть и талант».

Никита ВОРОНОВ,
доктор искусствоведения.

● *В. И. Мухина в мастерской.*

● *Фрагмент модели памятника А. М. Горькому в городе Горьком.*